

ИЗМЕНЕНИЯ В АГРАРНОМ СТРОЕ ЛИТВЫ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Академик АН Литовской ССР Ю. М. Юргинис

По аграрной истории Литвы феодального периода имеется много публикаций источников и монографических исследований. Только в последнее время появилось семь книг советских авторов¹ и четыре сборника архивных материалов², а также значительное количество статей.

М. В. Довнар-Запольский, М. К. Любавский, В. И. Пичета и другие широко известные русские историки наибольшее внимание уделяли аграрным отношениям XVI века. Хозяйство Литвы и судьба литовского крестьянства после Люблинской унии (1569 г.) их не интересовали. Польские историки С. Косыцалковский, А. Жабко-Потапович и В. Вечёрек в работах, опубликованных в первое 30-летие XX в., обращали внимание лишь на последнюю четверть XVIII века³. Таким образом, белыми пятнами в аграрной истории Литвы были: XVII век, первая половина XVIII и первая половина XIX века. В настоящее время эти пробелы уже ликвидированы — весь феодальный период исследован. В этом большая заслуга Д. Л. Похилевича, изучившего источники XVII и XVIII вв. и изложившего свои взгляды на причины временного изменения форм земельной ренты в связи с постигшими страну бедствиями. Следует иметь в виду, что аграрная история Литвы феодального периода теснейшим образом связана с аграрной историей Белоруссии, и три новейших монографии белорусских коллег значительно облегчают решение ряда вопросов⁴. Историки народной Польши, много внимания уделяющие политическим отношениям и вопросам культуры Великого княжества литовского, также затрагивают аграрно-хозяйственные отношения⁵. Создалась возможность определить основные этапы развития аграрных отношений.

¹ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов. 1957; его же. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVII века. Вильнюс. 1966; Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М. 1965; Т. Конюхова. Государственная деревня Литвы и реформа П. Д. Киселева. М. 1975; J. Jurginis. Baudziavos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius. 1962; M. Jučas. Baudziavos irimas Lietuvoje. Vilnius. 1971; J. Ziugžda (Red.). Lietuvos valstiečiai XIX amžiuje. Vilnius, 1957.

² «Инвентари Литвы XVII в.». Вильнюс. 1962; «Тяжбы литовских крестьян и жителей местечек с управителями имений». Ч. I. XVI—XVII века. Вильнюс. 1959; ч. II. XVIII век. Вильнюс. 1961; ч. III. 1795—1844 гг. Вильнюс. 1968.

³ S. Kościolkowski. Ze studiów nad dziejami ekonomji królewskich. Wilno. 1914; A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku osiemnastym. Warszawa. 1929; W. Wieszczek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w. Poznań. 1929.

⁴ П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Минск. 1969; его же. Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в. Минск. 1974; В. И. Мелешко. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии. Минск. 1975.

⁵ W. Pocięcha. Królowa Bona (1494—1557). Czasy i ludzie Odrodzenia. T. III. Poznań. 1958, s. 43—108; J. Ochański. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa Wileńskiego (1387—1550). Poznań. 1963; S. Kasperczak. Rozwój gospodarki folwarcznej na Litwie i Białorusi do połowy XVI wieku. Poznań. 1965.

В настоящей статье делается попытка, опираясь на упомянутые исследования, определить те существенные изменения в аграрных отношениях в Литве, которые были характерны для периода складывания феодально-крепостнических отношений, их господства и разложения.

Наибольшие споры вызывает аграрная история Литвы XIII—XVI веков. Существуют различные мнения о дани крестьян властям государства, о земельной ренте и о том, когда и как великокняжеские или государственные крестьяне превратились в крепостных. В своей последней статье Д. Л. Похилевич (1897—1974 гг.) поднимает следующие вопросы: были ли крестьяне Литвы после образования государства собственниками земли, существовала ли разница между крестьянами великокняжеского домена и государственных земель и потеряли ли крепостные крестьяне право выхода?⁶ Постановка таких вопросов, конечно, правомерна, но ответы на них вряд ли будут убедительными без определения места и времени рассматриваемых явлений в динамике развития феодального производства. Хорошо известно, что основу феодализма составляли монопольное право дворянского сословия на землевладение и труд крестьянина, лишенного средств производства. Но ведь это положение являлось следствием длительного процесса, в котором важную роль играли государство и сопротивление непосредственных производителей насаждению норм феодального права. Великий князь и любой другой феодал жили за счет прибавочного продукта крестьянина, однако последнему было безразлично, каким способом землевладелец его получал. Без вмешательства государства в производственные отношения только незначительная часть земледельцев превратилась бы в крепостных, а остальные не лишились бы средств производства и личной свободы. В Европе существовали феодальные государства и без крепостного права.

В Литве, как в других государствах, средства внеэкономического принуждения были не только различными, но и применялись в определенной последовательности. В начале XVI в. великий князь литовский получал доходы со своих дворов и волостей. С дворов прибавочный продукт давали челядь и койминцы, или селяне, а из волостей — волостные люди, или волостяне. И койминцев и волостян историки одинаково называют крестьянами, хотя в то время между ними была существенная разница. Чтобы стало ясно, чем они отличались, обратимся к широко известному решению великокняжеского суда от 2 мая 1514 г. по делу крестьян двора Неменчинского Виленского тивунства. «Люди господарский конницы» жаловались на виленского тивуна Бутрима, что он ограбил их за мезлеву (складчина деньгами или продуктами для угощения великого князя). Мезлевы наравне с волостными людьми они никогда не давали, ибо «под собою земл волостных не маем, только на полях дворных господарских подле двора седим и часто ся дворы свои переносим на иншии местца для навозов». Суд после опроса свидетелей и тивуна признал конминцев правыми и не требовал «тое мезлевы поспол з волостью»⁷.

Великокняжеская власть отличала запашку двора от полей волости и койминца не путала с волостянином до начала проведения аграрной реформы. В уставе 1547 г. для замков, дворов и держав отличаются подданные селяне (они же койминцы) от «подданных наших бояр и волостных»⁸. Не употребляя слова «собственность», можно полагать, что в то время волостянин пользовался землей наследственно, он имел возможность ее отчуждать и мог переселиться не только из одной деревни в другую, но и менять место жительства по волостям. Койминцы, они же селяне, всего этого были лишены и находились на положении крепост-

⁶ Д. Л. Похилевич. Право крестьян Белоруссии, Литвы и Украины на землю и выход в XV—XVI веках. «Вопросы истории», 1973, № 12.

⁷ «Литовская метрика». «Русская историческая библиотека» (далее РИБ). Т. XX. СПб. 1903, стр. 117—120.

⁸ «Литовская метрика». РИБ. Т. XXX. Юрьев. 1914, стр. 611—612.

ных. Это видно по исследованиям К. Яблонскиса, а также из опубликованных им источников, в которых говорится об этой категории крестьян⁹. В XVI в. в ходе закрепощения волостных людей разница между койминцом и волостянином постепенно стирается, и в источниках конца того же столетия койминцев уже не встречается. Они причисляются к тяглым людям. В XVII в. крестьяне делились на подданных и вольных.

Д. Л. Похилевич рассматривает привилей великого князя Казимира 1447 г. как юридическое оформление крепостничества для всех крестьян. «Из текста привилея 1447 г. и пожалований,— заключает он,— также ясно видно, что в домене господаря жило такое же пестрое население, как и у частных землевладельцев, и что одни и те же группы этого населения и у феодалов, и у господаря юридически геряли право перехода, то есть становились крепостными по писаному праву»¹⁰. Но этот привилей был только шагом к закрепощению и отнюдь не последним. После издания его Казимир, став королем Польши, жалую шляхте волостных людей, опередил всех великих князей, своих предшественников. Он значительно увеличил число крестьян, называемых в источниках велдамами. Было бы нелепо полагать, что пожалования государственных крестьян шляхте не имели отношения к их закрепощению. Волостянин, только что превращенный государственными властями в велдама шляхты, терял право выхода и попадал в личную зависимость. Положение велдамов в правовом и хозяйственном отношении стало хуже, чем волостных людей, и они спасались бегством¹¹.

Привилей 1447 г.¹² является своеобразным соглашением великого князя с феодалами относительно крестьян. Суть этого соглашения, получившего характер закона, проста: обе стороны обязуются не принимать в свои владения чужих, то есть беглых, крестьян. Положение в волостях после этого соглашения не менялось, так как великокняжеские крестьяне по собственному желанию в велдамы не переходили. В 1418 г. крестьяне Жемайтии восстали, сопротивляясь раздаче их, вольных людей, шляхте. Привилей 1447 г. прикрепил крестьян к феодальным владениям, а не к наделам земли. Это не одно и то же. Волостянин мог уступить свою землю по договоренности кому-либо, а сам переселиться в другую волость или даже в город. В этом заключалась его свобода, или воля. В XVI в. в связи с прикреплением к земельному наделу он потерял и эту волю. Данный процесс был непосредственно связан с ограничением права крестьян на землю.

По мнению Д. Л. Похилевича, литовские крестьяне никогда (по крайней мере в XV—XVI вв.) такими правами не пользовались. Он ссылается на Литовский статут 1529 г. (VIII, 21), в котором вопрос о земле для всех крестьян в Великом княжестве литовском, независимо от их принадлежности, разрешен твердо. Статут категорически запрещает кому бы то ни было, в частности боярам и простым людям, покупать или брать в заклад землю у чужих людей без разрешения их господ. Купивший такую землю, даже если он сделал на ней посев, терял и то и другое. Сказано совершенно ясно: без разрешения великокняжеской власти нельзя было менять границ любого феодального владения—княжеского, церковного или частного. Запрещение касалось как земли, так и людей. Там же сказано: «Також и чужого человека не має нікто закупати без воли пана его».

⁹ K. Jablonskis. XVI amžiaus belaisviai kaimynai Lietuvoje. «Praeitis». I. Kaunas. 1930, ss. 166—213.

¹⁰ Д. Л. Похилевич. Право крестьян Белоруссии, Литвы и Украины на землю и выход в XV—XVI веках, стр. 61.

¹¹ Ю. Юргинис. Крестьяне «велдамы» в Литве в XV—XVI веках. «Труды» АН ЛитССР. Серия А. 1958, 1(4).

¹² «Codex epistolaris saeculi decimi decimi quinti». III. Kraków, 1894, pp. 9—12.

Литовский статут 1529 г. не провозгласил собственниками земли исключительно шляхту. Это было сделано последующими статутами (1566 и 1588 гг.), которые к «простому стану», не имеющему права землевладения, отнесли не только крестьян, но также служилых бояр и мещан. Эти статуты разрешили шляхте свободно распоряжаться своими землями и людьми, о земле же крестьянской в них уже нет и речи. Следовательно, за тот отрезок времени, который отделяет издание первого статута от третьего, в законодательстве относительно земли произошли существенные изменения.

Было бы ошибочно полагать, как это делали некоторые буржуазные историки¹³, что Статут 1529 г., запрещая боярам и крестьянам продажу земли без разрешения, признавал за ними одинаковые права. Напомним, что в 1387 г. во время крещения литовцев великий князь Ягайла издал три привилеи: епископу, виленским горожанам и боярам. В привилее боярам сказано, что они имеют неограниченные права на свои вотчинные земли, могут их продавать, дарить, закладывать и т. д.¹⁴ Крещенные крестьяне какой-либо грамоты такого рода от великого князя не получили. Следовательно, по тогдашнему праву их собственности на землю не признавалась. Однако крестьяне не подчинялись праву, вписанному в великокняжеские привилеи и статуты, они сопротивлялись закреплению, считая себя собственниками своей земли. Классовая борьба в литовской деревне той эпохи находила выражение не только в прямых столкновениях, но велась также в области права. Крестьяне защищали «старину», основанную на обычном праве. Тот, кто думает, что классовое сопротивление крестьян было безрезультатным, ошибается. Ведь великие князья, стремясь успокоить крестьян, неоднократно уверяли: «Мы старины не рушаем и новизн не вводим»¹⁵. Обещания придерживаться старого порядка не всегда были ложными. Не все законы оформляли те отношения, которые уже существовали в жизни; создавались и такие, с помощью которых господствующий класс стремился насаждать новые порядки.

Привилей Ягайлы 1387 г. не подтвердил права собственности крестьян на землю. Привилей Казимира 1447 г. запретил крестьянам переселяться из одного феодального владения в другое. Литовский статут 1529 г. запретил свободную продажу земли всем боярам и тем крестьянам, которые находились в различных феодальных владениях. Кроме того, не разрешалась продажа или какая-либо другая уступка земли между крестьянами одного и того же феодального владения. Такой запрет ярко и очень строго изложен в документе 1547 г., названном «Устава замков, держав и дворов»¹⁶. Управляющим дворами приказывается не соблюдать наследственного пользования; землю, отобранную у одного, отдать другому; поддерживать хозяйственную способность обедневших; смотреть, чтобы крестьяне не брали денег в долг у мещан. И все-таки у крестьян были купленные земли, это видно из «Уставы на волоки» 1557 г., в которой сказано: «Где помера пойдет, дают мерыты всякий грунт: купленный и заставный, кгда ж кмет и вся его маетьность наша есть»¹⁷.

По мнению Д. Л. Похилевича, запрещать куплю-продажу земли между крестьянами не было смысла, ибо «такое отчуждение производи-

¹³ М. Владимирский-Буданов. Формы крестьянского землевладения в Литовско-Русском государстве XVI в. «Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая». Киев. 1892, стр. 357—358; W. Kamieniecki. Rozwój własności na Litwie w dobie przed I Statutem. Krakow. 1914, s. 10.

¹⁴ «Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563». Poznań. 1841, ss. 1—2.

¹⁵ «Акты Литовско-Русского государства». Вып. I (1390—1529). М. 1900, стр. 196—198.

¹⁶ «Литовская метрика». РИБ. Т. XXX, стр. 600—622.

¹⁷ Там же, стр. 570.

лось с ведома собственника земли или с согласия общины в волостях господаря. В тех случаях, когда продавцом был обедневший и неисправный тяглец, это было даже выгодно феодалу, ибо обеспечивало ему лучшего пательщика, а обедневший за полученные деньги мог поправить свои дела и сесть на меньший надел»¹⁸. Возможность продавать и покупать землю могла стать регулятором доходов феодала в какой-либо другой стране, но только не в Литве, по той простой причине, что здесь до аграрной реформы XVI в. доход феодала, полученный от барщины и дани, подсчитывался не по количеству крестьянской земли, а по крестьянским службам.

Накануне реформы полной службой назывался такой крестьянский двор, который был в состоянии каждый день посылать одного работника в великокняжеский или боярский двор. Неполная служба (половина, третья часть или четверть) выполняла установленное количество пригонных дней в неделю. Полная служба, которая могла постоянно содержать одного работника с рабочим скотом, являлась значительным трудовым коллективом. Деление крестьян на службы без учета пахотной земли привело систему феодальной эксплуатации к своеобразному кризису¹⁹. Появились службы, которые состояли из 3—4 или даже больше семей с 10—15 трудоспособными людьми, которые имели значительное количество (15—20 голов) рабочего скота. Такой службе выполнять повинности было нетрудно, но наряду с ними возникли службы, о которых в инвентарях говорится, что они «ни курицы не мают», и с которых феодал ничего не получает из-за их несостоятельности. Ярким примером может служить инвентарь волости Анталенте, составленный накануне реформы. В инвентарном списке 105 дымов, составляющих 73 службы. Из них 34 дыма «ни курицы не мают», 28 не имеют достаточного количества рабочего скота, зато 12 крестьянских дворов содержали по 4 вола и по 3 лошади каждый, а два — по 6 волов и 15 лошадей²⁰. В инвентаре указана и площадь земли каждой отдельной службы, измеряемая бочками посева. Разница, конечно, значительная. Она образовалась не только путем расширения посевной площади за счет лесов, но и покупки земли у соседей. Имущественное неравенство крестьян неизбежно вело к их социальной дифференциации в пределах такого крупного феодального владения, каким являлись великокняжеские волости. У хозяина крупной крестьянской службы были не только сябры и потужники, но и наймиты. Он был в состоянии получить прибавочный продукт от эксплуатации труда тех людей, которые обрабатывали его землю, не будучи членами его семьи.

Имущественная и вслед за ней социальная дифференциация крестьян была невыгодна для феодала, подрывала его хозяйство, и потому понадобилось не только запрещение продажи земли, но и аграрная реформа, которая, по мнению господствующего класса, прежде всего сделала бы невозможным социальное неравенство среди крестьян. Для выхода из кризиса эксплуататорской системы было два пути: требовать феодальные повинности с душ крепостного населения или же с определенного количества земли. Литовские феодалы с великим князем во главе выбрали второй путь. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа, претворяя в жизнь «Уставу на волоки» 1557 г., устранила возможность социальной дифференциации в деревне. Декларация о том, что «кмет и вся его маетьность наше есть», была претворена в жизнь. По Уставе, каждая крестьянская семья за точно установленную ренту, в форме барщины и денег, получает по равному наделу земли — по волоке. Больше одной волоки земли крестьянин не может иметь. Если семья

¹⁸ Д. Л. Похилевич. Право крестьян Белоруссии, Литвы и Украины на землю и выход в XV—XVI веках, стр. 59.

¹⁹ Ю. Юргинис. Крестьянская «служба» — единица феодальных повинностей до введения волок в Литве. «Труды» АН ЛитССР. Серия А. 1957, 2(3).

²⁰ «Istorijos archyvas, I. XVI amžiaus Lietuvos inventoriai». Kaunas. 1934, ss. 1—10.

одна не в состоянии обрабатывать волоку и отбывать повинности, тогда разрешается двум семьям брать одну волоку и повинности делить пополам. Крестьянин мог волоку принять или не принять. В этом заключалась его воля. Не приняв волоки, он мог, как «человек вольный», но безземельный, перейти в другую волость или во владение другого феодала; приняв же волоку, он к ней, как к наделу, прикреплялся. В «Уставе на волоки» сказано: «А который был человек, не оповедавши ся врияднику пры войте, втек з волоки, тая земля зо всим домовством, што останеть, иншому дати, а збеглого сам врияд и через войта искати мают»²¹. Даже в Жемайтии, где крестьяне платили денежную ренту, реформа 1557 г. проводилась. Суть ее здесь заключалась в том, что земля крестьян была превращена в наделы точно определенной величины, причем надел считался наследственным, его можно было дробить, но не увеличивать.

После проведения реформы о покупке или продаже земли между крестьянами не могло быть и речи. Посевная площадь и луга каждого крестьянского двора подсчитывались по инвентарному списку. В Уставе сказано: «Пустых волок подданным не пахати; а который не вписавши ся в рейстр, смеет то вчинити, збоже до гумна нашего тратит и вины рубл грошей до скарбу нашего заплатит»²². Кроме того, строго запрещалось превращать лес в луга или пашню. Каждый крестьянский двор обеспечивал землей управляющий именем. Возможность приобрести большее количество земли исключалась. Устава разрешает после получения согласия управляющего при войте и лавниках «продати на волоце будованье и домовсто». Покупатель дома обязуется выполнять все повинности продавца. Продавец в таком случае может сесть на пустой волоке или переселиться в город. «Естли в том ураде нет места и волоки пустое, ино ему до иншого именья нашего вольно ити, взявши лист от ураду до оног, где ся переносити, же добровольне вышел, волоку осадивши, и в том ему перед урадом або войтом уистити ся, абы инде не шол, только до волости наше»²³. Реформа предусмотрела, таким образом, возможность переселения крестьян в великокняжеских имениях, но без каких-либо прав на землю.

Следовательно, в XV—XVI вв. на территории Литвы происходили значительные изменения, в результате которых феодальный строй превратился в барщинно-крепостной. Завершающими актами этого процесса были аграрная реформа, проведенная в великокняжеских землях приблизительно до 1570 г., и издание третьего Статута 1588 года.

В литературе велись споры о прогрессивности или реакционности этой реформы, а также о том, какую ренту — отработочную или денежную — реформа сделала преобладающей. По Уставе, великий князь требовал, чтобы землемеры и ревизоры создавали фольварки не всюду по волостям, а лишь при замках и дворах. Барщинный труд устанавливался только для фольварков. Там, где их было весьма незначительное количество, например, в Жемайтии, преобладала денежная рента — чинш. Составить точную карту распространения в Литве барщины и чинша невозможно из-за отсутствия инвентарей по некоторым волостям. В Аукштайнии, в Виленском и Троцком воеводствах преобладала барщина. Но следует иметь в виду, что и в этой части страны барщина составляла только определенный процент всей нормы ренты.

В Уставе было все подсчитано. Для обработки одной волоки фольварка привлекалось 7 крестьянских волок, по 2 дня барщины в неделю с каждой, следовательно, для обработки одной волоки фольварка предусматривалось 14 барщинных дней в неделю. Там, где барщина отсутст-

²¹ «Литовская метрика». РИБ. Т. XXX, стр. 577.

²² Там же, стр. 554 (§ 19).

²³ Там же, стр. 577—578.

ует, крестьянин платит за нее по 30 грошей, то есть один день барщинного труда оценивается в 15 грошей в год. Кроме того, все крестьяне платят годовой чинш по земельному кадастру — от 21 до 6 грошей, в среднем по 12 грошей с волоки; все дают дань продуктами, оцениваемую в 18 грошей, не считая мезлевы, которая собирается во время прибытия великого князя в волость. Годовые толоки и гвалты (пригоны на помощь и спешные работы) оцениваются 22 грошами. Таким образом, из 82 грошей, уплачиваемых в год с волоки, барщинник 52 гроша покрывает трудом, 18 — данью, 12 — деньгами; оброчник 64 гроша платит деньгами, а 18 — данью²⁴. Следовательно, ренту барщинника составляют: барщина — 63%, дань — 22%, деньги — 15%.

Во второй половине XVI в., когда в Литве проводилась волочная помера, на заграничном рынке значительно возрос спрос на зерно, другие сельскохозяйственные продукты и соответственно повысились цены на них. Землевладельцы Литвы, в том числе и великий князь, в конце XVI в., когда реформа уже была завершена, и в начале XVII в. усиленно создавали фольварки в тех волостях, где их до тех пор не было. Расширялась фольварочная запашка, и росла потребность в барщинном труде. Это вело к значительному повышению норм ренты, установленной во время реформы. Управляющие имениями усердно создавали фольварки за счет крестьянских земель, так как они за управление получали третью часть фольварочного дохода.

В середине XVII в. уже трудно было найти крестьянскую семью, которая пользовалась бы полной волокой. Преобладающая масса крестьян имела по полволоки, а остальные — по одной трети или даже одной четвертой части волоки. Норма двухдневной барщины от волоки в неделю не соблюдалась уже с конца XVI в., при этом делалась ссылка на то, что сложная работа выполняется вдвоем. Требовалось, чтобы на работу мужчина шел с запряжкой и помощником, который в инвентарях называется унторником. Помощником могла быть и женщина. Раньше от членов крестьянской семьи барщинных работ не требовалось. Если было достаточно трудоспособных детей, то некоторые из них могли уйти из имения. Крестьянские дочери имели право свободно выйти замуж, заплатив девичью кунцу. В XVII в. с усилением барщины в нее посредством гвалтов и обязательных толок были втянуты все члены семьи, и таким образом все они оказались прикреплёнными к наделу.

Стало правилом, что от весны до осени с волоки требуется уже четыре барщинных дня в неделю. Однако эти дни не составляли главной части работ в пользу землевладельца. Самыми губительными для крестьянского хозяйства оказались гвалты и толоки. Гвалтами считались раньше спешные, заранее не предвиденные работы, не связанные с полководством. В середине XVII в. такое понимание гвалтов являлось уже устаревшим. На гвалты и толоки сгонялись все трудоспособные члены крестьянских семей, часть из них — на неопределенное время, пока жатва будет завершена²⁵. Барщина теперь делится на регулярную недельную и нерегулярную, отбываемую по требованию землевладельца или управляющего имением. Спротивляясь усилению барщины, крестьяне ссылались на «старину» — нормы, установленные реформой. Отказ выполнять увеличенные повинности на государственных землях почти всегда сопровождался жалобами к высшим властям. Назначались комиссии и ревизии, которые утверждали новые нормы повинностей. Так, после продолжительного сопротивления крестьян волости Меркине 12 марта 1639 г. ассессорский суд короля принял компромиссное решение: вместо 4 дней в неделю от волоки им вменено в повинность работать 3 дня, вместо неопределенного количества гвалтов установлена их нор-

²⁴ Там же, стр. 551 (§ 15).

²⁵ «Инвентари Литвы XVII в.», стр. 62.

ма — не больше 18 дней в году, не включая сенокоса, для которого требуются отдельные добавочные дни ²⁶.

Из-за неопределенности размера гвалтов и других нерегулярных работ повинности (особенно барщинные) такому подсчету, какой был сделан во время реформы XVI в., не поддаются. Из сравнения повинностей по инвентарям отдельных имений и волостей видно, что на протяжении 70 лет после завершения реформы общая норма эксплуатации удвоилась. В сельскохозяйственной технике каких-либо изменений не произошло. Она опиралась на трехполье с севооборотом, на ту систему полеводства, которая принудительным образом во время реформы стала господствующей. Главным орудием земледельческого труда по-прежнему оставалась двузубая соха. Можно полагать, что возможности феодальной эксплуатации были доведены до предела.

Если социально-политическая интерпретация реформы Сигизмунда-Августа (которой посвятил свой крупнейший труд акад. В. И. Пичета ²⁷) может оставаться объектом спора, то хозяйственное значение реформы бесспорно. Она способствовала увеличению продукции полей как фольварков, так и деревень. Значительно увеличилась численность населения. По данным переписей войск, польский историк Г. Ловмянский подсчитал, что в 1528—1567 гг. число жителей в Литве возросло на 30%, а с середины XVI в. до середины XVII в. — почти в два раза ²⁸. Изменения в производственных отношениях после реформы привели к двум отрицательным явлениям: обнищанию значительной части крестьянства и значительному сокращению более продуктивных крестьянских наделов за счет менее продуктивной фольварочной запашки.

Ярким примером дробления крестьянских наделов может служить деревня Гильвицкая в Жемайтии. В 1619 г. в ней было 25 дворов: лавник имел $\frac{2}{3}$ волоки, трое крестьян — по $\frac{1}{2}$, 15 — по $\frac{1}{3}$, 4 — по $\frac{1}{4}$ и два крестьянина — по $\frac{1}{6}$ волоки ²⁹. Ясно, что крестьянская семья, имеющая от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{6}$ волоки, была не в состоянии прокормиться и вносить в какой-либо форме ренту. Феодалам пришлось искать выход из самими же ими созданного хозяйственного тупика. Таким выходом являлось деление крестьянской земли на оседлую и приемную. Оседлой называлась та земля, к которой крестьянин был прикреплен и за пользование которой он был обязан выполнять все феодальные повинности, в первую очередь барщину. Приемной считалась земля, которую малоземельный крестьянин мог получить по собственному желанию у землевладельца в аренду за денежную плату. В середине XVII в. в более крупных феодальных владениях постепенно создавался фонд приемной земли, при помощи переделов которой землевладелец оказался в состоянии регулировать жизнеспособность отдельных крестьянских дворов.

Деление крестьянской земли на оседлую и приемную было прервано войнами и разрушениями, происходившими во второй половине XVII века. Во время хозяйственной разрухи размеры крестьянских повинностей определялись не по количеству и качеству земли, а со двора, в зависимости от фактического его состояния. Не случайно, в инвентарях, составленных в период разрухи, поименно указывались все члены каждой семьи, перечислялись лошади, волы и остальной скот. Из-за значительного сокращения численности населения и множества пустующих земель барщина стала почти невозможной. Лишь там, где крестьяне уберегли себя, свое хозяйство и скот от гибели, можно было кое-как

²⁶ «Тяжбы литовских крестьян». Ч. 1, стр. 222, № 59.

²⁷ В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М. 1958.

²⁸ H. Łowmiański. Popisy wojska Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI w. jako źródło do dziejów zaludnienia. «Mediewalia w rocznicę pracy naukowej J. Dąbrowskiego». Warszawa. 1960.

²⁹ «Инвентари Литвы XVII в.», стр. 81.

поддерживать фольварк. Обжившийся крестьянин был менее подвижен, чем разоренный и поэтому довольствовался некоторым уменьшением повинностей, особенно работ.

Господствующий класс хотел, конечно, восстановить фольварочно-барщинную систему в том виде, в каком она существовала до разрухи. В первую очередь нужно было привлечь крестьян на пустые земли путем предоставления им льгот и даже пособий. Возможности для восстановления у различных владельцев были разными. В Гродненской, Олитской и Шавельской королевских экономиях фольварки не восстанавливались. Поля и луга отдавались здесь крестьянам на чинш. В староствах, державах, церковных и частных имениях в конце XVII в. была восстановлена барщина. В некоторых имениях устранялась смежная форма ренты и этим облегчался подсчет ее норм. Там, где была установлена только барщина, с волоки от весны до осени требовалось 12 дней в неделю³⁰. Полной волокой ни один барщинник не располагал. Повинности подсчитывались с половины или четверти волоки. Если перевести деньги, установленные «Уставом на волоки», на труд, то получается 6 дней в неделю с волоки, а в конце XVII в. их требовалось 12. Таким образом, при возрождении фольварков восстановилась и та норма эксплуатации, которая преобладала в середине XVII века. Чтобы обеспечить крестьян землей, она опять делится на оседлую и приемную с тенденцией роста последней, так как крестьянину было выгодно иметь меньше оседлой и больше приемной земли³¹. Но приемная земля давалась не всюду, кроме того, соблюдалось, чтобы крестьянский надел (вместе оседлая и приемная земля) не превышал половины волоки.

Северная война и сопутствовавшие ей последствия (голод и чума) вновь отодвинули развитие хозяйства страны на 50 лет назад. Восстановление происходило медленно, по старому, испытанному пути. Новым процессом был рост приемной земли по сравнению с оседлой, оседлая же делится на тяглую, или барщинную, и чиншевую. Таким образом, появляется денежная рента двойного рода. В инвентарях XVII в. почти не было случаев, чтобы часть земли крестьян-чиншевиков называлась приемной. Все чиншевики имели больше земли, чем барщинники, ибо значительная часть их продукции шла на рынок как товар. Величина чинша могла колебаться в зависимости от сопротивления крестьян и от природных условий, но плата за приемные волоки была одинаковой. В XVIII в. за волоку оседлой, но чиншевой земли крестьянин платил 20 злот, а за волоку приемной земли — только 5 злот³². Тут мы имеем дело с чиншем и с арендой земли. Все феодальные повинности сводятся к чиншу. В 1731 г. в Завилейском владении виленского епископа имелось волок: свободных от повинностей — 50, чиншевых — 412, барщинных — 258, приемных — 574³³. Чиншевики были обязаны определенное количество дней в году выходить на толоки и гвалты. Несмотря на это, на оседлой земле этого крупного имения преобладала денежная рента, и значительная часть земли давалась крестьянам в аренду. Такое положение следует рассматривать как временное.

Феодалу было невыгодно большое количество земли раздавать крестьянам в качестве приемной. В том случае, когда в имении оказывалось достаточно крестьян, лучше было превратить земли в чиншевые. Соблюдать правило, чтобы крестьянин-чиншевик имел земли не больше

³⁰ Там же, стр. 386 (1694 г., имение Шлавина в Виленском повете); стр. 366 (1691 г., имение Раткунай в Укмергском повете); стр. 431 (1698 г., имение Раджуняй в Укмергском повете).

³¹ Там же, стр. 241—247, 258—262.

³² «Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки». Вып. второй. Вильна. 1897, стр. 65—152 (Инвентари владений виленского епископа за 1731 г.).

³³ Там же.

чем одну волоку, в то время когда имелось немало пустующих земель, не было смысла, так как это являлось убыточным. Кроме того, крестьяне, уходя на заработки, отдавали всю или часть своей земли другим крестьянам за вознаграждение продуктами или деньгами. Помещики всячески преследовали такие сделки: ушедших ловили и наказывали, рассматривая их как беглых, а урожай на их землях подвергался конфискации. Пустая земля обедневшего крестьянина была убыточной по сравнению с переданной на определенных условиях крестьянину, соседу обедневшего. В 1784 г. были изданы правила для крестьян государственных имений, в которых говорилось, что дома, хозяйственные постройки и наделы принадлежат подданным. Они могли один другому продавать или другим путем уступать наделы с разрешения управляющего и при условии выполнения повинностей³⁴. Возможность продать отдельно землю и дом способствовала увеличению числа халупников, огородников и кутников. В связи с этим появляется наемный труд как в деревнях, так и на фольварках³⁵.

При восстановлении хозяйства перед крупными феодалами открылись возможности: либо ликвидировать фольварк и раздавать его землю крестьянам за чинш, либо использовать на фольварках наемный труд, либо, наконец, создавать фольварки на чиншевых и приемных землях крестьян, применяя батрацкую барщину и агротехнические усовершенствования. Все эти три направления имели место на практике: И. Хрептович ввел на фольварках наемный труд, П. Бжостовский ликвидировал фольварки, а А. Тизенгауз создавал фольварки в экономиях. Он выделил каждому крестьянскому хозяйству четверть волоки оседлой земли и потребовал за нее два барщинных дня в неделю; вторую четверть волоки и больше крестьянин мог получить в качестве приемной земли. Барщинный труд использовался в сельском хозяйстве и в создаваемых Тизенгаузом мануфактурах. Он считался батрацким, ибо выполнялся с тягловой силой и рабочим инвентарем не крестьянина, а фольварка.

Реформа Тизенгауза привела в 1769 г. к широко известному Шавельскому восстанию, в котором приняло участие 18 тыс. человек. Крестьяне выступили не только против введения барщины, которой они не знали более 100 лет; они отстаивали чинш и сопротивлялись ограничению наделов. Восстание шавельских крестьян было направлено против крепостничества вообще, а не только против изменения форм земельной ренты. Оно было жестоко подавлено королевскими войсками. Хотя Тизенгауз был устранен, созданные им фольварки остались. Борьба крестьян за чинш, за его уменьшение, за сохранение наделов не только продолжалась, но и усиливалась. Крестьяне староства Паланги, в которое входили три волости, на протяжении 25 лет вели борьбу, не подчиняясь администрации³⁶.

Выступления литовских крестьян последней четверти XVIII в. активно отражали их стремление превратить чинш в аренду. К. Маркс указывал: «При денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение. Поэтому возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором»³⁷. При таких условиях барщина теряет основной свой признак. Крестьянин идет

³⁴ М. Јуџас. *Op. cit.*, p. 171.

³⁵ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., стр. 156—160; М. Јуџас. *Op. cit.*, pp. 158—168.

³⁶ «Тяжбы литовских крестьян». Ч. II, стр. 148. № 28.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 362.

на барскую запашку работать уже как батрак, без своих орудий труда и тягловой силы. Барщина заменяется батрачеством, и труд постепенно превращается в наемный. Однако в Литве превращению чинша в аренду препятствовала личная зависимость крестьянина от землевладельца. В XVIII и особенно в первой половине XIX в. были довольно часты случаи, когда помещик отпускал на свободу своих крестьян, объявляя их вольными людьми. На это помещик имел право, но он был не в состоянии предоставить своим крестьянам гражданские права. Это могла сделать только государственная власть, отменив монопольное право дворянского сословия на земельную собственность и создав для крестьян суд и администрацию, независимую от землевладельца. Только получив гражданские права, крестьянин мог стать арендатором и собственником земли.

В Литве феодализм сложился позже, чем в соседних славянских и германских странах. Но процесс закрепощения крестьян шел здесь быстрее и нашел более яркое отражение в источниках. То же самое можно сказать и о процессе разложения крепостного строя, несмотря на его длительное господство. Итоги исследований по аграрной истории Литвы, таким образом, могут послужить сравнительным материалом при изучении аграрной истории других стран Восточной Европы.
